

Сегодня
исполняется
75 лет со дня
рождения
выдающегося
советского
писателя
Б. А. Горбатова

Борис Леонтьевич Горбатов родился на Петромарьевском руднике в Донбассе (ныне город Первомайск Ворошиловградской области). В грозовой атмосфере тех героических лет будущий писатель быстро вырос. В 1922 году юный Горбатов опубликовал в газете «Всесоюзная кочегарка» свой первый рассказ «Сытые и голодные», с которого начинается отчет его журналистской деятельности. Один за другим выходят в свет повесть «Ячейка», роман «Наш город», книги «Горный поход», «Обыкновенная Арктика», «Мое поколение» и другие, которые он написал будучи корреспондентом «Правды». В годы Великой Отечественной войны в «Правде», а затем в «Комсомольской правде» печатается повесть «Непокоренные» — сгусток увиденного, пережитого, прочувствованного в те суровые годы. Б. Горбатов — автор романов «Донбасс» и «Перед войной», написанных им в пятидесятые годы.

По сценариям Б. Горбатова поставлены фильмы «Это было в Донбассе», «Непокоренные», «Донецкие шахтеры». По мотивам повести «Непокоренные» написана опера Д. Кабалевского «Семья Тараса». Гневное слово писателя прозвучало в документальном фильме «Суд народов» — о Нюрнбергском процессе. Б. Горбатов известен и как драматург. Его пьесы «Юность отцов», «Закон зимовки», «Одна ночь» вошли в репертуар многих театров страны.

Предлагаем вниманию читателей отрывок из романа «Донбасс» — первой из книг задуманной писателем эпопеи о шахтерах нашего края.

«МОЙ РОДНОЙ КРАЙ»

...Стоял я в тамбуре вагона — в купе уже не сиделось — и тоже ждал, ждал страстно, нетерпеливо, влюбленно, — ждал встречи. И не с друзьями — их я обниму только завтра — и даже не с матерью, а с ним — с суровым и нежным другом моего детства и моей озорной юности — с Донбассом.

Там я родился и вырос. Там съел первый кусок хлеба, заработанный собственными руками. Там, неожиданно для себя, сложил первые стихи и убежал с ними далеко в степь и на кургане, плача от гордости и счастья, читал их сам себе, а ветер уносил слова.

Там впервые поцеловал я девушку. У нее были каштановые волосы золотистые на монетах. Всю ночь просидели мы с ней на кургане; ее губы пахли полынью, и сладостно-горькими и жуткими были наши поцелуи: казлось, все звезды над степью видят их и не одобряют.

Но старый курган был за нас и за нашу любовь, и отродно было лежать в его душистом чребре и слышать, как жарко и томно дышит добрая земля, и пьянея от запахов трав, земли и ветра, без конца говорить о любви и о будущем. В ту ночь все казалось возможным и близким, даже звезды в небе.

Так просидели мы до зари, пока гудок «Крутой Марин», вдруг властно пронативший над степью, не вспугнул нас и не напомнил, что, кроме поцелуев, есть еще жизнь, и труд, и доска табельщика у проходных ворот. Взлезши за руки, сбегали мы с кургана и у самого поселка расстались, смущенные и счастливые, не смея глядеть в глаза друг другу.

Теперь эта девушка забыла меня — недаром ее губы пахли полынью. Говорят, она вышла или собиралась выйти замуж за другого. Вероятно, я сейчас ее и не встречу.

Зато на курган я и теперь смогу взойти. И с него опять откроется мне мой родной край, всеми трубами будет меня приветствовать. Старый, преданный друг!

И я трепетно готовился и встрече с ним, как и встрече с матерью. Какой он сейчас? Изменился ли? Постарел?

Да нет! Говорят, помолодел. Все письма из дому, получаю, мне мною в полки, и начинались и кончались так: «Ты те-

перь Донбасса не узнаешь!». «Приезжай скорей, Серега! — писал мне товарищ. — Ты Донбасса не узнаешь. Началось такое, такое, что и не описать. Революция, брат, великая революция в Донбассе. Обыкновенному Донбассу приходит конец. На крутых пластах появляются отбойные молотки — ты и не знаешь, что это такое! — на пологих — новые врубочные машины. Конгонам скоро точка, о них только песня останется на память. Теперь на откатке будут электровозы. Новая техника потребует новых людей. Нет, ты приезжай, Сергей, все увидишь своими глазами».

Я читал и перечитывал эти письма, они звучали для меня, как музыка. Даже когда товарищ писал о трудностях, — а о них он писал много и зло, — о нехватке продовольствия, вредителях и «проходном дворе», о тупицах, которых давно пора выгнать, — даже эти злые строки были для меня, как музыка, как музыка боя...

«Да-а... — думал я с невольной завистью, — вот где подлинная жизнь, вот где интересно...».

Мать тоже писала мне, что Донбасса я теперь не узнаю. Было странно читать эти строки в ее милых, знакомых письмах, обычно наполненных тихими семейными новостями и поклонами от родственников. Но, озадаченный, как смущенный призналась она в последнем письме, моя мать теперь «общественница».

«Наши бабы, — писала она, — взяли теперь за поселок. Ну и я, старая дура, с ними! Так что я теперь — общественница, ты не смея! Тут кругом, сынок, такая стройка, такая стройка начинается! — словно оправдываясь, объясня-

ла она. — Никак невозможно от людей отставать. А для шахтеров теперь коттеджи строят», — она так и писала: «коттеджи», а не домики, не баракки, не казармы: значит, и это чужое слово теперь прочно вошло в шахтерский быт. «Акуратные» — такие коттеджи. Чистенькие. На две квартиры. И кухня отдельная. И даже ванна есть».

И даже ванна есть... И мне вспомнились наши Собачевки, и Шанхай, и Коллайгород... И землянки с мокрой подушкой в окне. И особико «каютки», более тесные, чем каюты, и такие же темные, грязные и сырые. И шахтерские казармы с нарами в три этажа. Старый, неприятный Донбасс! Здесь люди рождались, чтоб скорее стать в упряжку, и жили, пока не падали, задавленные лямкой. Они спали, где придется, и ели, что случится, и случайно полюбили друг друга, сходились в семью, чтобы родить новых людей для «упряжки».

Собачевка — страшное, это было слово, но еще более страшная жизнь сыревалась за ним! С этой собачьей жизнью шахтеры тринадцать лет назад покончили. Теперь пришел конец и Собачевке.

А меня нет в Донбассе в такие дни!

Но самую важную и для нее, видно, самую дорогую новость мать прислала под конец.

«А на Главной улице, Сереженька, — писала она, и я чувствовал, что при этом рука ее дрожала, — разбиты теперь клумбы, и там будут живые розы, мы сами сажали».

Розы на шахте! Моя мать всегда любила розы, это я с детства помню. Выкроив из полочки пяточек, она покупала

их в воскресенье на рудничном базаре и, стыдясь, приносила домой. Розы были большие, как лопухи, и ярко-алые, и жили они долго, очень долго. Всю зиму пылились они над зеркальцем в углу и над фотографией на стене. Они никогда не умирали, потому что уже были мертвые, бумажные. Но других роз я в детстве никогда не видел и безмятежно считал, что все розы такие: холодные, шершавые и без запаха. Я их не любил.

Да, в нашем детстве цветов не было. Ни цветов, ни зелени, ни реки. Только горькая полынная степь, да курганы, да лысые холмы рыжей обнаженной глины...

Есть такой рудник в Донбассе — Лысая Гора. Я был там когда-то. Один раз в жизни, и всего два часа, но запомнил на всю жизнь...

Теперь, вспоминая Лысую Гору, я понимаю, что родился я на ней, я бы и ее любил, как сейчас люблю «Марину», и Лысую Гору считал бы самым дорогим мне местом на земле. Потому что я здесь родился. Потому что родину любит не за розы.

Говорят, любить — значит со всем смириться, все принять и все простить.

Но странной, беспокойной любовью любим мы, советские люди, свою землю. Любим, а ни с чем мириться не хотим: ни с Собачевками, ни с Лысой Горой. Любим а терпеть Собачевку не желаем.

Мы любим родину верной и требовательной любовью сына. И каждая ее улыбка — счастье, и каждая ее морщина — горе. Никогда и никому не позволим мы надругаться над нею, но над каждым ее изъязмом горько плачем сами. А потом — поплзем на руки и возьмем инструмент, вот изъязна и нет!

И хочется нам, чтобы была она вечно молодой и прекрасной, чтобы хорошея и цвела, очищаясь и молодея. Чтобы была она всех в мире краше, и могущественней, и счастливей. И для этого стоит и трудиться, и жить, и даже жизнь отдать без вздоха...

И мне захотелось вдруг сейчас же, немедленно, перенестись в Донбасс, чтобы своими глазами увидеть, как цветут розы на Лысой Горе, как исчезают Собачевки и возникают новые города, и врубочная машина хозяйки входит в лаву,

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПИСАТЕЛЮ-ЗЕМЛЯКУ

К 75-летию Б. Л. Горбатова областная библиотека А. М. Горького подготовила литературный вечер «Сын Донбасса». Кандидат филологических наук Л. А. Образовская рассказала о жизненном и творческом пути писателя. С обзором литературы, посвященной Б. Л. Горбатову, выступила библиотечка отдела читальных залов Л. А. Фе-

сенко. К юбилею писателя-земляка организована книжная выставка. Эпиграфом к ней прозвучали слова из раннего стихотворения Бориса Леонтьевича:

«Потому-то я в рабочей
гуще,
Чтобы с пользой жизнь
свою прожить».